

Глава 1

При взгляде на эту комнату с лежащим посредине на полу трупом старой женщины почему-то возникала ассоциация с Достоевским. Убийство старухи процентщицы. Хотя убитая, по предварительным данным, ростовщицеством не занималась и ломбард на дому тоже не устраивала. Более того, обстановка в большой квартире в «сталинском» доме свидетельствовала о достатке и аристократических корнях хозяев.

Когда-то в этой квартире жил известный ученый, академик Смагорин, но было это давно. Погибшая, Екатерина Венедиктовна Анисковец, была его дочерью. Трижды за свою жизнь побывав замужем, она столько же раз меняла фамилию, но не место жительства. В этом доме она жила, пожалуй, дольше всех его обитателей. Только ее квартира была отдельной, остальные давно превратились в коммуналки с постоянно меняющимися жильцами. Одни получали или покупали новое жилье и уезжали, другие въезжали в результате разменов с родственниками или супругами. Двери квартир были утыканы разномастными кнопками звонков и карточками с фамилиями, и только дверь в квартиру Екатерины Венедиктовны имела один-единственный звонок и красивую металлическую дощечку с надписью: «Академик В. В. Смагорин».

Судебно-медицинский эксперт осматривал тело, эксперт-криминалист колдовал над поисками следов. Убийство явно тянуло на корыстное, совершенное с целью ограбления, уж очень богатой была квартира и беспорядок в ней царил ужасный. Сразу видно — здесь что-то искали.

— У погибшей есть родственники? — спросил сле-

дователь Ольшанский у соседки, приглашенной в качестве понятой.

— Не знаю, — неуверенно отозвалась молодая женщина в спортивном костюме. — Я здесь не так давно живу, всего полгода. Но мне говорили, что детей у нее нет.

— Кто в вашем доме может хоть что-нибудь рассказать про Анисковец? Кто здесь давно живет?

— Ой, не знаю, — покачала головой соседка. — Я здесь мало с кем общаюсь, я ведь только снимаю комнату. Хозяйка квартиру купила, а комнату в коммуналке сдает. Беженцы мы, — добавила она, — из Таджикистана. От нас тут все шарахаются как от чумных, будто мы заразные какие. Так что с нами не очень-то разговаривают.

Да, от соседки толку было мало. Предстоял долгий поквартирный обход, чтобы собрать хотя бы первоначальные сведения о пожилой женщине, безжалостно убитой ударом чем-то тяжелым по затылку.

* * *

С жильцами своего дома покойная Екатерина Венедиктовна действительно почти не общалась, но вообще-то приятельниц и знакомых у нее было немало. Коренная москвичка, она здесь выросла, окончила школу и университет, работала в Историческом музее. И всюду заводила друзей. Конечно, сегодня живы были уже далеко не все. Но все равно тех, кто мог бы рассказать о погибшей, было достаточно много.

В первую очередь Ольшанский велел найти тех ее знакомых, которые часто бывали у Анисковец и могли хотя бы приблизительно сказать, что именно у нее похищено. Такой человек нашелся — бывший муж Екатерины Венедиктовны Петр Васильевич Анисковец. С покойной он развелся лет пятнадцать назад, когда ей было пятьдесят девять, а ему — шестьдесят два. И все пятнадцать лет он продолжал приходить в гости к Екатерине Венедиктовне, приносил цветы и трогательные маленькие подарки.

— Вы не обидитесь, если я спрошу о причине вашего развода? — осторожно сказал следователь, очень уж необычной показалась ему сама ситуация: разводиться в таком почтенном возрасте, и не ради того, чтобы создать новую семью.

Петр Васильевич грустно посмотрел на Ольшанского.

— Дурак я был — вот и вся причина. Закрутил с молодой, думал — вот оно, настоящее, всепоглощающее, то, ради чего на смерть идут. С Катериной развелся. А когда все закончилось, Катя долго смеялась надо мной. Так, говорила, тебе и надо, дурачку самоуверенному, будет тебе урок. Она прекрасно ко мне относилась. Я потом много раз делал ей предложение, но она отказывала, дескать, смешно в таком возрасте под венец, да еще с бывшим мужем. Но ухаживания мои принимала, не гнала.

— Выходит, она вас простила? — уточнил следователь.

— Простила, — кивнул Анисковец. — Да она и не сердилась долго. Знаете, у нее чувство юмора было просто удивительное, она на любую беду умела с усмешкой посмотреть. Ни разу за все годы я не видел, чтобы Катерина плакала. Верите? Ни разу. Зато хохотала постоянно.

Вместе с Ольшанским Петр Васильевич поехал на квартиру к бывшей супруге. По дороге он несколько раз принимался сосать валидол, и было видно, что он панически боится заходить в комнату, где недавно лежала убитая. Но в последний момент он все-таки сумел собраться и, горестно вздыхая, приступил к осмотру имущества. По тому, как бегло он скользнул глазами по увешанным картинами стенам и как уверенно открывал ящики комода и дверцы шкафов, Ольшанский понял, что Петр Васильевич хорошо ориентируется в обстановке и знает, где что должно лежать.

— Кажется, все на месте, — развел руками Анисковец. — Только одна картина пропала, маленькая такая, миниатюра, но я не думаю, что ее взяли воры.

— Почему же? — насторожился Ольшанский.

— Да она дешевенькая совсем, копейки стоит. Зачем бы ее стали красть, если рядом висят бесценные полотна.

— Может быть, дело в размере, — предположил следователь. — Маленькую картину легче унести.

— Нет, вы не правы, — возразил Петр Васильевич, — взгляните — здесь много миниатюр, отец Екатерины, Венедикт Валерьевич, был к ним равнодушен, всю жизнь собирал. И все они стоят очень дорого, очень, уж вы мне поверьте. Но пропала совсем ерундовая картинка, ее Катя купила у какого-то уличного мазилы просто шутки ради.

— Что на ней было изображено?

— Цветы и бабочки, стилизованные под Дали. Такой живописи сейчас полно в Москве. Мазня, одним словом. Я думаю, Катерина просто подарила ее кому-то. Не может быть, чтобы такую дешевку кто-то украл.

— Хорошо, Петр Васильевич, насчет картины мы выясним. А что с драгоценностями?

— Все целы. Это просто поразительно, знаете ли. У Екатерины были великолепные фамильные украшения: бриллианты, изумруды, платина. Одна работа чего стоит! И ведь ничего не взяли.

Это было действительно очень странно. Почему же тогда ящики комода оказались выдвинутыми, вещи разбросаны по полу, шкафы открыты? Ведь явно же что-то искали. Но если не ценности, то что же тогда? И почему преступник не взял ценности? Их много, они все на виду, он наверняка их видел и даже трогал. Почему же не взял?

Нужно было немедленно найти еще кого-нибудь, кто смог бы осмотреть вещи Екатерины Венедиктовны. Не исключено, что ее бывший муж пропажу заметил, но по каким-то причинам это не обнародовал.

* * *

Пухлая, перехваченная аптечной резинкой записная книжка Екатерины Венедиктовны Анисковец, набитая множеством выпадающих листочков и визитных

карточек, лежала на столе перед Анастасией Каменской. Задание следователя было предельно четким: найти среди знакомых убитой человека, который мог бы дать квалифицированную консультацию по поводу имевшихся у нее ценностей. Насколько кратко было сформулировано задание, настолько длительной и кропотливой была работа по его выполнению. На установление всех лиц, поименованных в этой записной книжке, требовалось много времени и терпения. Настя старательно составляла запросы и получала ответы: «Умер...», «Номер передан другому абоненту...», «Переехал...», «Умер...», «Умер...»

На третий день ей наконец повезло. Искусствовед, знаток живописи и коллекционер антиквариата Иван Елизарович Бышов пребывал в полном здравии и проявил прекрасную осведомленность как о картинах Анисковец, так и о ее украшениях. К тому моменту, когда Настя с ним связалась, он уже знал о трагической гибели своей старинной приятельницы и беспрестанно приговаривал:

— Боже мой, Боже мой, я был уверен, что она всех нас переживет! Здоровье отменное. Ах, Катерина, Катерина!

— Вы давно знакомы с Екатериной Венедиктовной? — спросила его Настя.

— Всю жизнь, — быстро ответил Бышов. — Наши отцы дружили, и мы с Катериной практически росли вместе. Мой отец и Венедикт Валерьевич были страстными коллекционерами. А мы с Катей пошли разными путями. Я, что называется, принял коллекцию отца и продолжил его дело, а Катя не имела вкуса к коллекционированию, ее это как-то не будоражило. Впрочем, женщины вообще не склонны... Она потихоньку продавала ценности и на эти деньги жила. Пенсию-то ей крошечную положило государство, музейные работники у нас не в чести были.

— А кто наследует ее имущество?

— Государство. Катерина все завещала нескольким музеям. У нее нет родственников, которым ей хотелось бы оставить все это.

— Неужели совсем нет родственников? — не пове-
рила Настя.

— Нет, какие-то есть, конечно, — ответил Бышов
дребезжащим голосом. — Но не такие, кому можно
было бы оставить коллекцию. Пропьют, прогуляют.
Катя хоть и не имела вкуса к коллекционированию, но
ценность того, что у нее было, понимала очень хорошо.
Я имею в виду не только денежную стоимость, а цен-
ность в высшем смысле слова. Для истории, для культу-
ры. Она очень образованная была.

Родственники, обделенные наследством. Это уже
интересно. Впрочем, нет, не очень. Если бы они имели
отношение к убийству, они бы забрали ценности. Ина-
че само убийство теряет смысл. Может быть, им что-то
помешало? Убить успели, а ценности собрать и выне-
сти не смогли... Надо вцепляться мертвой хваткой в со-
седей. Ибо что в такой ситуации может помешать пре-
ступнику? Только появление на лестнице возле
квартиры каких-то людей.

— Скажите, Иван Елизарович, как было составле-
но завещание? Я имею в виду, сделано ли описание
каждой вещи, которая переходит к музею-наследнику
после смерти Анисковец?

— Я понимаю ваш вопрос, — кивнул старик кол-
лекционер. — Да, каждая вещь была описана с участием
представителей музеев и нотариата. В завещании все
четко прописано, кому что причитается. Несколько
картин Катя в завещание не включила, она собиралась
их продать и на эти деньги жить.

— И как? Продала?

— Конечно.

— Кому, не знаете?

— Как кому? Мне. Мне же и продала. Они до сих
пор у меня.

— А если бы этих денег не хватило?

— Мы говорили с ней об этом, — кивнул Бышов. —
Во-первых, картины, которые я у нее купил, стоили
очень дорого. Вы, может быть, думаете, что я, пользу-
ясь старой дружбой, скупил их у Кати по дешевке? Так
нет! Я дал за них полную стоимость, вы можете это про-

верить. Этих денег ей должно было хватить на много лет. А во-вторых, если бы деньги закончились, она внесла бы изменение в завещание, исключила из наследственной массы что-нибудь и снова продала.

— Правильно ли я вас поняла, — подвела итог Настя, — что на момент составления завещания все ценности были осмотрены специалистами, подтвердившими их подлинность?

— Совершенно верно.

— И как давно это случилось?

— Лет пять назад или шесть.

— Иван Елизарович, а Екатерина Венедиктовна боялась, что ее могут ограбить?

— Вот уж нет! — решительно заявил Бышов. — Ни одной секундочки.

— А почему?

— Характер такой, наверное, — старик улыбнулся впервые за все время, что они разговаривали. — Катя вообще ничего никогда не боялась. Считала, что от судьбы все равно не уйдешь. И потом, я уже говорил вам, она не особенно дорожила коллекцией. Умом понимала ее ценность, а душой не чувствовала. Ведь не сама она ее собирала, свой труд и свои деньги в нее не вкладывала. Конечно, дверь у нее стояла бронированная, на это я ее все-таки сподвигнул. А бриллианты свои она и не носила, говорила, что они ей не к лицу.

Теперь по крайней мере становилось понятным, что делать дальше. Брать завещание Анисковец, вызывать экспертов-искусствоведов и сравнивать ценности, описанные в завещании, с ценностями, имеющимися в квартире. А заодно и повторно устанавливать их подлинность. Потому что вор, если он имел постоянный доступ в квартиру Екатерины Венедиктовны, мог ухитриться сделать копии некоторых вещей и картин и теперь просто подменить подлинники подделкой. Тогда становится хотя бы понятным, почему Петр Васильевич никаких пропаж не обнаружил.

И первым кандидатом в подозреваемые становился сам коллекционер Бышов. Человек, имеющий постоянный доступ в квартиру и хорошо знающий храня-

щиеся в ней ценности. Вторым подозреваемым автоматически становился бывший муж Анисковец, который тоже бывал у нее частенько и тоже хорошо знал каждую картину на стенах и каждое ювелирное изделие в шкапулках. Настя чувствовала, что третий, четвертый и даже двадцать пятый подозреваемые уже на подходе. Стоит копнуть чуть поглубже — и их окажется видимо-невидимо. Такие дела она не любила больше всего. Если окажется, что часть ценностей Екатерины Венедиктовны подменили, то версия о причинах убийства останется только одна, и нужно будет искать виновных среди огромной массы подозреваемых. Это было скучно.

А если окажется, что у нее действительно ничего не пропало, тогда нужно будет придумывать совершенно новую версию, и не одну. Вот это уже было гораздо интереснее.

* * *

Она никогда не удивлялась тому, что почти не нуждается в сне. Так было с самого детства. Ира была послушным ребенком и спокойно укладывалась в постель по первому слову матери, не капризничая, но это не означает, что она тут же засыпала. Она лежала тихонько, потом незаметно погружалась в сон, а около пяти утра глаза ее открывались. При этом Ира не чувствовала себя разбитой или невыспавшейся. Просто она была так устроена.

Когда случилось несчастье, ей было четырнадцать. До шестнадцати ее продержали в интернате, после чего она начала совершенно самостоятельную жизнь. Смысл этой жизни состоял в том, чтобы заработать как можно больше денег. Деньги были нужны на лекарства и продукты для двух сестер и брата. И для матери, которую Ира ненавидела.

Ее очень выручала законодательная неразбериха, пользуясь которой можно было работать в нескольких местах одновременно. В пять утра она вскакивала и бежала подметать тротуары или сгребать снег — в зависи-

мости от сезона. В восемь мыла подъезд и лестницы в стоящей рядом шестнадцатизэтажке. В половине одиннадцатого мчалась на вещевой рынок разносить воду, горячую еду и сигареты торговцам. В пять, когда рынок закрывался, возвращалась домой, ходила в магазин, готовила еду, убирала квартиру, два раза в неделю ездила в больницу к младшим, раз в месяц — к матери. Вечером, с десяти до двенадцати, мыла полы и выполняла прочую грязную работу в расположенном поблизости ресторанчике. Она не спрашивала себя, сколько это может продлиться. На сколько сил хватит. Просто жила так, потому что другого выхода не было. Врачи сказали, что Наташе и Олечке помочь уже нельзя, а маленькому Павлику — можно, только для этого нужны очень большие деньги, потому что надо делать несколько операций, а они дорогие. О том, можно ли помочь матери, она даже и не задумывалась. Она рано поняла, что задумываться вредно. Несколько лет назад услышала по телевизору, что известный молодой киноактер тяжело болен и для его лечения нужны деньги. С экрана телевизора обращались к гражданам и спонсорам: помогите, дайте кто сколько может, расчетный счет такой-то... А актер умер. Ира всего один раз подумала о том, что если уж у киноактера и его друзей денег на лечение не хватило, то куда ей одной, нечего и пытаться собрать средства на лечение Павлика. Но этого единственного раза оказалось достаточно, чтобы она сказала себе раз и навсегда: «Нечего задумываться. Надо дело делать и двигаться вперед. Нельзя останавливаться, нельзя расхолаживаться, иначе никогда ничего не получится».

Ей было семнадцать, когда она вполне самостоятельно дошла до великой шекспировской фразы: «Так трусами нас делает раздумье, и так решимости природный цвет хиреет под налетом мысли бледной...»

Сейчас ей было двадцать. И она двигалась к своей цели, как автомат с бесконечным запасом прочности.

Встав с постели, когда еще не было пяти часов, Ира на цыпочках, чтобы не потревожить квартирантов, вышла на кухню поставить чайник. Когда-то в этой квартире жила ее большая семья: мать, отец, трое млад-

ших и она сама. Теперь Ира осталась одна и с прошлого года, преодолев сомнения и страхи, стала сдавать две комнаты, оставив себе третью, самую маленькую. Пока все, слава Богу, обходилось, хотя эксцессы, конечно, бывали. Но постоять за себя Ира Терехина умела, два года в интернате многому ее научили.

На кухне царила грязь — опять Шамиль приводил гостей и опять не убрал за собой. Конечно, Ира никакой работы не боялась и, сдавая квартиру, предупредила Шамиля: если будете сами за собой мыть и убирать, цена такая-то, а если мне за вами убирать придется — то выше. Жилец согласился платить больше, но ведь нельзя же такой свинарник разводить! Совесть какая-то должна быть у человека или нет? Впрочем, кавардак на кухне Ира видела почти каждый день и готова была честно отрабатывать повышенную плату за комнату. Только вот перед вторым жильцом неудобно — тихий скромный дядечка, приятный такой, не шумит, гостей почти никогда не приводит, а если и приводит, то они сидят тихонько у него в комнате, разговаривают. Он даже посуду у Иры не берет, привез свою и сам ее моет и убирает. Вообще он аккуратный, за ним и уборки-то никакой не нужно, хотя платит, как и Шамиль.

Хорошо, что Шамиль сегодня живет у нее последний день. Вечером уедет, говорит, что на родину, вроде в Москве все дела уже переделал. А следующий кандидат в жильцы уже тут как тут, его неделю назад Шамиль же и привел. Парень Ире не понравился, но это ничего не означало. Ей и Шамиль не нравился, и Муса, который жил до Шамиля. Однако ничего, жива осталась, и имущество цело, и квартиру не спалили. А деньги они платят хорошие и без обмана. Надо только к дяде Владу сбежать, на всякий случай, для общей безопасности.

Быстренько умывшись, Ира выпила чай с куском черного хлеба, намазанного дешевым бутербродным маргарином, натянула старые тренировочные штаны и майку с длинными рукавами и отправилась убирать улицу. Открыв дверь дворницкой кладовки, где хранились метлы, лопаты и скребки, она увидела, что ее

метлы нет. Именно ее метлы, которую она любовно подбирала себе по росту и долго шлифовала черенок, придавая ему форму, удобную для ее маленьких рук.

— Вот суки, — злобно прошипела Ира. — Суки паршивые. Даже метлу сперли. Узнаю, кто это сделал, глаза выколю.

Конечно, это были происки Таньки-паразитки. В этом Ира несколько не сомневалась. Ну ничего, она с ней еще разберется. Горючими слезами Танька умоется. И хахаль ее вместе с ней. Хотят дармовую квартиру получить, нанялись дворниками, а сами не убирают ни черта. Приходят раз в три дня, полтора раза метлой махнут — и бегом домой. А участок так и стоит неубранный. Ира попросила, чтобы участок закрепили за ней и дали ей вторую ставку, она может и в четыре утра на работу выходить и успеет убраться на обоих участках. Все лучше, чем насильно посылать других дворников доделывать Танькину работу. Но если бы сделали так, как предлагала Ира, то Таньку-паразитку пришлось бы увольнять и с квартиры гнать. Все были с таким решением согласны, кроме, разумеется, самой Таньки. Ее хахаль подослал своих дружков — бугаев с наглыми мордами и резиновыми дубинками, и они быстро объяснили дворницкому начальству, что к чему и почему Таньку нельзя с квартиры гнать. Начальники Таньку оставили в покое, закрыв на все глаза, а Ире до ихних политесов дела нет, она каждый раз как встретит эту оторву, так обязательно ей в глаза говорит все, что думает о ней. Танька, тридцатилетняя деваха с испитой рожей, вся золотыми цепями обвешанная, тоже в долгу не остается. Воюют они, короче говоря. Вот метлу теперь сперла, сука...

Убрав улицу и вымыв лестницу в шестнадцатизэтажке, Ира прибежала домой принять душ и переодеться. Заодно и позвонить решила.

— Дядя Владик, это Ира, здравствуйте, — выпалила она на одном дыхании, словно взятый на рассвете темп работы распространялся и на разговоры.

— Привет, — отозвался Владислав Николаевич. — Как дела?

— Хорошо. Дядя Владик, мне нового жильца сватают.

— Русский?

— Нет. Дружок Шамиля.

— Понял. Сможешь сегодня подъехать? Я договарюсь с ребятами, они посмотрят.

— Ага, после пяти. Годится?

— Годится. Позвони между пятью и половиной шестого.

— Позвоню. Спасибо, дядя Владик.

— Пока не на чем, — усмехнулся в трубку Владислав Николаевич.

* * *

Ира Терехина когда-то была соседкой Стасова. В те еще времена, когда Стасов был женат на Маргарите и жил с ней и дочкой Лилей в Сокольниках. После развода он вернулся в свою однокомнатную квартиру в Черемушках. Несчастье в семье Терехиных произошло, когда они жили в одном доме, поэтому когда год назад ему вдруг позвонила Ира, Стасову не нужны были долгие объяснения. Он и без того все понимал.

В первый раз Ира позвонила, просто чтобы посоветоваться. Дескать, решила пускать жильцов, деньги очень нужны, но боязно. Стасов, милиционер, оперативник с двадцатилетним стажем, не советовал, отговаривал, пугал возможными неприятностями. Молоденькая девочка, девятнадцать лет, никого из родных рядом нет и защитить некому, если что не так. Но Ирка уперлась. Ей не нужен был совет «сдавать комнаты или не сдавать». Ей нужен был совет, как уберечься от этих самых неприятностей.

Уберечься от этих неприятностей, по мнению Стасова, было в принципе невозможно, но все же он дал ей несколько практических рекомендаций, выполнение которых могло бы снизить риск. Тогда же он предложил ей предварительно навести справки о будущих жильцах. На это Ира с готовностью согласилась и, как выяснилось, совершенно правильно сделала. Первый

же из кандидатов в съемщики оказался преступником, находящимся в розыске. Стасов привез Иру на Петровку, показал ей кучу альбомов, фотографий и ориентировок, а через два дня разыскиваемого задержали, разумеется, постаравшись, чтобы этот факт ни в чьем сознании не соединялся с молоденькой дворничихой. На следующего кандидата Стасов после всех проверок дал «добро», на всякий случай еще раз предупредив, что вообще-то затея эта опасная, и взяв с Иры твердое обещание не пускать к себе жильцов, не поставив в известность Стасова.

Теперь Владислав в милиции уже не работал, получил лицензию частного детектива и возглавлял службу безопасности киноконцерна «Сириус», но друзья на Петровке и в Министерстве внутренних дел у него остались, и друзья эти охотно помогали проверять жильцов Иры Терехиной. Лучше подстраховаться заранее, чем потом получить труп квартирной хозяйки.

* * *

Знакомых и приятельниц у Екатерины Венедиктовны Анисковец было немало, но, что хуже всего, у всех них были дети и внуки, которые вполне могли услышать о ценностях, хранящихся в квартире одинокой пожилой дамы без особых предосторожностей. Юрий Коротков вместе со следователем Ольшанским взял на себя организацию экспертизы картин и ювелирных изделий на предмет выявления подделок, а Насте Каменской, как самой малоподвижной, достались опросы людей, знавших потерпевшую.

Из этих опросов вырисовывался портрет семидесятичетырехлетней женщины, прожившей яркую жизнь. Нельзя сказать, чтобы жизнь эта была уж очень веселой. Жених девятнадцатилетней Кати ушел на войну в сорок первом и в сорок третьем погиб. Первый ее муж, врач-ортопед по фамилии Швайштейн, был арестован по делу врачей-вредителей и умер в камере, не выдержав зверского обращения вертухаев. Второй муж погиб в автокатастрофе. С третьим, как известно, ей при-

шлось развестись по причине страстной любви оною к юной прелестнице. Детей у Екатерины Венедиктовны действительно не было, тут соседка-беженка не ошиблась. Что-то там заковыристое было со здоровьем по женской линии.

Иная женщина, трагически потерявшая жениха и двух мужей и неизвестно за какие грехи наказанная бездетностью, могла бы считать свою судьбу несчастной, а жизнь — неудавшейся. Но только не Екатерина Венедиктовна. Более жизнерадостного, веселого и дружелюбного человека трудно было себе даже представить. В кругу ее общения постоянно на протяжении всей жизни находились писатели и поэты, художники и артисты, она бывала на всех театральных премьерах, вернисажах и поэтических вечерах, а в последние годы не пропускала ни одного мероприятия, которое устраивал Клуб ветеранов сцены. Хотя она никогда не была сценическим работником, многие старые актеры, режиссеры и театральные художники считали ее «своей», потому что именно ее когда-то приглашали на генеральные репетиции и именно она всегда сидела на премьерах в первом ряду, ободряюще улыбаясь и сжимая в руках огромные букеты цветов, которые щедро дарила им, когда опускался занавес. В промежутках между законными браками у Екатерины Венедиктовны случилось несколько громких романов с людьми, чье имя было в то время на слуху. Заканчивались эти романы по-разному, в одних случаях бросали ее, в других — она сама уходила первой, в третьих — любовники расставались по обоюдному согласию под давлением обстоятельств, но ничто не могло стереть улыбку с ее лица и приглушить ее залихватский смех. И даже когда у нее на улице вырвали сумочку с только что полученными в сберкассе деньгами, снятыми с книжки на покупку нового телевизора, она, прибежав домой, кинулась звонить своей подруге и от хохота долго не могла вымолвить ни слова.

— Ты представляешь, — наконец выговорила она, давась смехом, — меня ограбили. Ну анекдот!

Подруга решила, что Екатерина плачет и у нее фор-

менная истерика. Никак иначе раздававшиеся в трубке звуки она расценить не могла и тут же кинулась утешать несчастную. И только через несколько минут сообразила, что та не плачет, а смеется.

— Неужели тебе весело? — изумилась подруга.

— А что мне теперь, рыдать, что ли? — ответила ей Екатерина Венедиктовна. — Ты же знаешь мой принцип: если можно что-то сделать — надо делать, если сделать ничего нельзя — надо принять все как есть. Но уж, во всяком случае, не плакать. И потом, я тебе много раз говорила, меня ангел хранит. Если у меня украли деньги на новый телевизор, значит, мне вообще нельзя его покупать. Наверное, мне суждено было купить такой телевизор, который взорвался бы и загорелся. Так лучше пусть у меня не будет этих денег, чем сторгит вся квартира и я вместе с ней.

И точно так же она веселилась, когда третий муж, Петр Васильевич Анисковец, заявил ей о своем желании развестись. И точно так же хохотала, когда спустя несколько месяцев после развода он снова возник на пороге ее квартиры.

— Ну что, котяра престарелый, нагулялся? — ласково спрашивала она, потчuya его своим фирменным супом с грибами и изумительным пловом с изюмом и курагой. — Стоила игра свеч?

Нельзя сказать, что Екатерина Венедиктовна иступленно следила за собой и не вылезала из косметических и оздоровительных салонов. Но выглядеть она всегда старалась так, чтобы смотреть на нее было приятно. Идеально уложенные седые волосы, легкий макияж — тушь на ресницах, благородного цвета помада на губах, немного темно-телесных румян на скулах. Ухоженные руки и обязательный маникюр. Ей удалось не растолстеть с возрастом, и она с удовольствием носила брючные костюмы с блузками своего любимого кремового цвета. Часто ходила в гости к приятельницам и никогда не отказывалась от приглашений на юбилейные банкеты, а их в последнее время поступало много: кому семьдесят исполнялось, кому семьдесят пять, а у иных и золотые свадьбы случались. Не говоря уж о чествова-

ниях по случаю пятидесятилетия творческой деятельности.

— У меня наступил самый лучший возраст, — часто повторяла Анисковец. — Все мои друзья вступают в такую благодатную пору, когда кругом сплошные праздники. Только успевай цветы и подарки покупать!

Да, друзей и знакомых у Екатерины Венедиктовны было много, но трудно было даже представить себе, могли ли у нее быть враги. Потому что если убили ее не из-за картин и бриллиантов, то для этого должна быть какая-то личная причина. Какой-то конфликт, вполне вероятно, очень давний.

Сегодня перед Настей Каменской сидела одна из самых близких подруг покойной Анисковец и подробно отвечала на все вопросы. Сама Настя во время таких бесед отдыхала душой: пожилые люди частенько страдают от недостатка внимания и общения и рассказывают обычно весьма охотно, даже если сам повод для таких бесед достаточно трагичен — смерть близкого человека. Из них ничего не надо тянуть клешами, наоборот, их порой бывает трудно остановить. Но останавливать их Насте и в голову не приходило. В голове у собеседника возникают ассоциативные связи, следуя которым они вспоминают и начинают рассказывать о событиях, не имеющих на первый взгляд никакого отношения к убийству, и внезапно может всплыть такая деталь, о которой и в голову не придет специально спрашивать. «Самое главное — вывести человека на неконтролируемые просторы свободного рассказа, — учил когда-то Настю отчим, всю жизнь проработавший в уголовном розыске, — и спокойно ждать, когда он сам проговорится и расскажет то, что важно для дела. Ты слушаешь его не перебивая, сочувственно и заинтересованно киваешь и тем самым создаешь у него иллюзию свободного полета, и эта иллюзорная свобода его опьяняет настолько, что он перестает следить за речью».

Марта Генриховна Шульц и была той самой подругой, звонить которой кинулась после ограбления Екатерина Венедиктовна, заходясь от хохота.

— Марта Генриховна, скажите, какие отношения были у вашей подруги с Иваном Елизаровичем Бышовым?

— Самые хорошие. Они знают друг друга с детства. Ванечка даже какое-то время ухаживал за мной, правда, это было очень давно, мне тогда еще пятидесяти не было. Он, знаете ли, рано овдовел и подыскивал себе новую подругу жизни.

— А вы? Не ответили на его ухаживания?

— Ну почему же, — кокетливо улыбнулась Шульц. — Ванечка был очарователен. Но дело в том, что я не была свободна. Даже если бы я в тот момент увлеклась, на развод я бы все равно не пошла.

— Почему? У вас были маленькие дети?

— Да Господь с вами, какие же маленькие дети могут быть в сорок семь лет! Нет, дети были уже большими. Но Ванечка — русский. А мы — немцы. Родители с самого детства приучили меня к мысли, что мы не должны ассимилироваться, вступая в браки не с немцами. Мой покойный муж тоже немец.

— А что же Екатерина Венедиктовна? За ней Бышов не пытался ухаживать?

— О, что вы, голубушка, они этот этап прошли лет в пятнадцать-шестнадцать. Эдакая детская влюбленность. Потом у Катеньки появился жених, она встречалась с ним года полтора или два, пока война не началась.

— И как потом складывались отношения Екатерины Венедиктовны и Бышова?

— Очень ровно. Они дружили домами. Ивану нравилась коллекция картин, которую собрал Катин отец, и он постоянно говорил, что купит их все, если только Катенька соберется продавать.

— Марта Генриховна, насколько мне известно, ваша подруга завещала почти все свои картины музеям, за исключением нескольких, которые она и продала Бышову. Это так?

— Да, это правильно. Она так и сделала.

— А почему она не продала Ивану Елизаровичу все

картины, если он так этого хотел? Ведь они дружили всю жизнь. Почему же она не пошла ему навстречу?

— Катя хотела дожить свой век в окружении этих картин. Она видела их рядом с собой всю жизнь и не хотела расставаться с ними до срока. И сначала она действительно предложила Ивану завещать картины в его пользу. Но он проявил в этой ситуации редкостное благородство. Не хочу, говорит, чтобы ты думала, будто я с нетерпением жду твоей смерти. Не хочу быть твоим наследником. И тем более не хочу получить эти картины даром. Тогда они и договорились, что Катя продаст ему несколько картин, чтобы на жизнь хватило, а остальное завещает музеям.

— Почему все-таки завещание было составлено только в пользу музеев? Неужели у Екатерины Венедиктовны не было никаких родственников?

— Да есть у нее родственники, но им картины не нужны. Родня такая дальняя, что они и связей не поддерживают.

Это было похоже на правду. Екатерина Венедиктовна бережно хранила получаемые ею письма, поздравительные открытки и телеграммы за много лет, и среди них не было ни слова от родственников. И Бышов, и Петр Васильевич Анисковец в один голос утверждали, что где-то какие-то родственники есть по линии отца, но очень дальние, не то в Мурманске, не то в Магадане, но у Екатерины они не появлялись. Так что не было никаких оснований подозревать их в корыстном интересе к коллекции академика Смагорина.

— Скажите, если бы эти родственники вдруг объявились, Екатерина Венедиктовна сказала бы вам об этом? — спросила Настя Марту Генриховну.

— Уверена, что сказала бы, — твердо ответила Шульц. — Какой смысл ей скрывать это от меня? Наверняка сказала бы.

— А вообще у нее могли быть от вас тайны?

— О, голубушка, — вздохнула Шульц, — надо было знать Катю. Она была веселая и открытая, но отнюдь не болтушка. Отнюдь. Если Катя хотела что-то скрыть, ни одна живая душа об этом не узнала бы, смею вас заве-

речь. Она умела молчать и держать язык за зубами как никто. Ее за это очень ценили. С ней можно было поделиться любым секретом и быть в полной уверенности, что дальше ее это не пойдет. Катя ни разу в жизни никого не подвела. Или, как теперь принято говорить, не заложила. Кто знает, сколько альковных тайн она унесла с собой в могилу...

Марта Генриховна всхлипнула и приложила платочек к глазам. Впервые за весь такой долгий разговор она позволила себе показать слабость, и Настя в который уже раз за последние дни подумала, что многие молодые напрасно недооценивают стариков. Они намного умнее, чем принято думать в среде тех, кому еще нет сорока, намного хитрее и сильнее духом. А что касается унесенных в могилу альковных тайн, то это уже интересно. Не в этом ли коренится причина ее трагической и жестокой смерти?

Настя взглянула на часы — половина седьмого. Бедная Марта Генриховна сидит здесь уже больше четырех часов. Ну можно ли так терзать немолодую и не очень-то здоровую женщину?

— Спасибо вам, Марта Генриховна, с вашей помощью я теперь гораздо лучше представляю себе вашу подругу, — тепло сказала Настя. — Могу я предложить вам чай или кофе?

— С удовольствием, — оживилась Шульц. — И я буду вам очень признательна, если вы покажете мне, где тут у вас дамская комната.

Настя виновато улыбнулась. В самом деле, свинство с ее стороны так обращаться со свидетелем. Надо было раньше об этом подумать, не дожидаясь, пока терпение у нее лопнет. Шульц вышла в туалет, и тут же на столе у Насти звякнул аппарат внутреннего телефона.

— Настасья Павловна, занята? — послышался голос Стасова.

— Свободна. А ты где-то здесь?

— Угу, брожу по коридорам. Можно к тебе на полминуты?

— Валяй. Только без глупостей, у меня свидетель.

— Обижает, — фыркнул Стасов. — Любовь не может быть глупа. Она может быть неудобна. Все, бегу.

Вероятно, он действительно бежал, а может быть, звонил из соседнего кабинета, во всяком случае, появился он буквально через несколько секунд. Вместе с ним в кабинет вошла худенькая невысокая девушка с изможденным лицом, покрытым прыщами. Рядом с ней двухметровый зеленоглазый красавец Стасов казался еще выше, еще плечистее и еще красивее.

— Не мог пройти мимо и не сказать тебе о своих пылких чувствах, — со смехом заявил Владислав прямо с порога. — Знакомся, это Ирочка, моя бывшая соседка и нынешняя подопечная. Я тебе рассказывал о ней.

— Да-да, я помню, — кивнула Настя. — Очень приятно.

Девушка буркнула в ответ что-то невразумительное и даже не улыбнулась.

— Мы выясняли личность некоего Ильеса, — продолжал Стасов как ни в чем не бывало. — Он собирается снять у Иры комнату.

— И как? Он оказался бандитом и убийцей, находящимся в розыске? — пошутила Настя.

— Слава Богу, нет. Его привел нынешний жилец, о котором мы уже все знаем, поэтому установить личность Ильеса было несложно. Обормот, конечно, челнок турецко-египетско-итальянской направленности, но пока чистый. Ни от кого не прячется, руки не замазаны, ну если только по мелочи.

Вернувшаяся в этот момент Марта Генриховна с любопытством оглядела странную парочку. Удобно усевшийся было на стул Стасов моментально вскочил при появлении пожилой женщины, чем вызвал ее благосклонную улыбку, а Ира вообще никак не отреагировала на ее появление и даже не кивнула в ответ на вежливое «Добрый вечер», произнесенное светским тоном.

— Кому чай, кому кофе? — гостеприимно предложила Настя, выключая кипятильник и доставая из стола чашки, кофе, чай и сахар. — Вам, Марта Генриховна?

— Чаю, пожалуйста.

— И мне чайку, — подал голос Стасов. — А тебе, Ириша?

— Мне не надо, — буркнула девушка.

Владислав выпил свой чай в три больших глотка и решительно поднялся.

— Ну все, Настасья Павловна, мы побежим. Спасибо тебе за чай, рад был тебя повидать. Не пропадай, звони.

— И ты не пропадай, — улыбнулась в ответ Настя.

Марта Генриховна задумчиво посмотрела вслед Стасову и его спутнице.

— Какая странная девушка, — сказала она, когда дверь за ними закрылась.

— Почему странная?

— Совершенно невоспитанная. И взгляд у нее какой-то дикий. Затравленный. Это у вас называется «трудный подросток», так, кажется?

Можно было бы просто молча кивнуть и не развивать тему. Но Настя была признательна Марте Генриховне за обстоятельный и довольно откровенный рассказ об убитой Анисковец, и ей хотелось сделать своей собеседнице что-нибудь приятное, тем более что беседовать с ней, видимо, придется еще не раз. А что может быть приятнее в этой ситуации, чем рассказ, слегка напоминающий сплетню, который Марта потом сможет пересказывать своим знакомым, ссылаясь на то, что «это ей прямо на Петровке рассказали под большим секретом». У пожилых людей главная радость — поговорить, а главная удача — новая пища для разговоров.

— Что вы, Марта Генриховна, Ира уже давно не подросток, ей двадцать лет. Просто она выглядит так, потому что жизнь у нее трудная. А насчет того, что она невоспитанная и дикая, вы отчасти правы, но вряд ли надо ее за это судить. Я вам расскажу, если хотите. Страшная трагедия.

Разумеется, Шульц хотела. И еще как!

— Может быть, вы помните, как шесть лет назад почти во всех газетах прошло сообщение о чудовищном случае. Женщина выбросила из окна с девятого этажа

троих детей и выбросилась следом за ними, а старшая дочь успела убежать и спрятаться у соседней.

— Да-да, — оживленно кивнула Марта Генриховна, — я читала.

— Так вот Ира и есть та самая старшая дочь.

— Да что вы говорите! — всплеснула руками Шульц. — Какой ужас!

— Я вам расскажу то, чего вы, может быть, не знаете, — таинственным голосом продолжила Настя. — Они все остались живы, две девочки, мальчик и мать. Но, конечно, все стали глубокими инвалидами. Отец на следующий день после случившегося умер от инфаркта. Не смог вынести. И Ира осталась в четырнадцать лет совсем одна. Понимаете? Совсем одна. И ей приходится очень много и тяжело работать, чтобы содержать и себя, и четырех инвалидов. Правда, они с ней не живут, дети в больнице, мать в доме инвалидов, но ведь им нужны лекарства, продукты, одежда. Так что, я полагаю, мы с вами можем закрыть глаза на то, что Ира забывает сказать «спасибо» и «пожалуйста» и вообще ведет себя невежливо.

— Бедная девочка, — вздохнула Шульц. — Какая страшная судьба, Боже мой, какая судьба.

Народная мудрость говорит, что терпеливых Бог любит. А еще говорят: тому, кто умеет ждать, достается все. Насте Каменской совсем не нужно было это ритуальное чаепитие с семидесятилетней чрезмерно разговорчивой свидетельницей. У нее была масса текущей работы, ей нужно было сделать несколько срочных телефонных звонков, но она считала необходимым проявить терпение, чтобы сохранить у Марты Шульц хорошее впечатление о работниках уголовного розыска. И была за это вознаграждена сторицей. Потому что Марта Генриховна, о чем-то поразмышляв, внезапно произнесла:

— А вы знаете, мне кажется, Катя знала маму этой девочки.

— Почему вы так решили?

— Я теперь вспомнила, об этом ужасном случае действительно было написано почти во всех газетах, да

и по телевизору рассказывали. Катя газеты не выписывала и не читала их, но, как-то придя ко мне в гости, увидела случайно записку и сказала: «Несчастливая. Я знала, что добром это не кончится».

— Что еще она сказала? — спросила Настя, чувствуя, как вмиг пересохла губы.

— Больше ничего. Вероятно, это была одна из тех алкогольных тайн, которые было невозможно вытянуть из Кати.

Проводив Марту Генриховну вниз, Настя стала подниматься к себе на пятый этаж. Неисповедимы пути твои, сыщицкая удача! А если бы Стасов не зашел к ней? А если бы ушел сразу же и не встретился с Мартой Шульц? А если бы Ира Терехина оказалась нормальной воспитанной девушкой и Марте не пришлось бы в голову ее обсуждать? Удача балансировала на тонком шесте, каждую секунду грозя свалиться в пропасть и разбиться, но все-таки удержала равновесие и благополучно добралась до места назначения.

Глава 2

Мать смотрела на Иру ясными светлыми глазами и безмятежно улыбалась. При падении с девятого этажа она сломала позвоночник и потеряла способность самостоятельно передвигаться. Но еще хуже было то, что вследствие травмы черепа она потеряла память. То, что она знала на сегодняшний день, было рассказано ей врачами, дочерью и обитателями дома инвалидов. На восстановление памяти надежды не было никакой. То есть на самом деле надежда эта была, но нужен был высокооплачиваемый специалист, который провел бы с Галиной длительный курс занятий по специальной методике. Денег на это у Иры не было, каждая заработанная копейка, которую удавалось сэкономить, откладывалась на лечение брата Павлика.

— Почему ты не занимаешься своим лицом? — спросила мать, придирчиво оглядывая Иру. — Эти безобразные прыщи тебя портят.

— Твоего совета не спросила, — грубо ответила

Ира. — Ты бы лучше поинтересовалась, как твои дети себя чувствуют.

— Как они себя чувствуют? — послушно повторила Галина. — Ты у них была?

— Была. Вчера ездила. Плохо они себя чувствуют. Тебе спасибо, постаралась.

— Зачем ты так говоришь, доченька? — жалобно проскулила Галина. — Какая ты жестокая.

— Зато ты очень добрая. Устроила мне счастье на всю оставшуюся жизнь. Ну можешь ты мне объяснить, зачем ты это сделала? Почему, мама, почему?

Из ясных глаз Галины Терехиной потекли слезы. Она ничего не помнила. Ей сказали, что она выбросила из окна своих детей — одиннадцатилетнюю Наташу, семилетнюю Оленьку и полугодовалого Павлика. Но она этого не помнила. И почему она это сделала, Галина не знала.

Еще ей сказали, что у нее был муж, который не выдержал этого ужаса и умер от разрыва сердца. Мужа она тоже не помнила, но понимала, что раз у нее было четверо детей, то, наверное, и муж был.

— Ты всегда меня упрекаешь, — всхлипнула она. — А я ни в чем не виновата.

— А кто же тогда виноват? Кто? Ну скажи мне, кто виноват? Кто заставил тебя это сделать?

— Я не знаю, я не помню, — прошептала Терехина. — Не мучай меня.

— Это ты меня мучаешь! — внезапно заорала Ира. — Это ты превратила мою жизнь черт знает во что! Я уж не говорю о жизнях твоих детей, которые уже шесть лет лежат в больнице. Я не могу их забрать домой, потому что не могу обеспечить им уход. И я вынуждена колотиться семь дней в неделю с утра до вечера, а в итоге покупаю тебе какое-то дурацкое лекарство, вместо того чтобы купить Павлику лишний килограмм клубники или новую майку для Наташи. Господи, когда же это кончится!

Она обессиленно опустилась на пол рядом с кроватью, на которой лежала мать, и зарыдала. Галина осто-

рожно вытянула руку и легко погладила Иру по голове. Та дернулась, словно ее током ударило.

— Не смей ко мне прикасаться! Мне не нужна твоя жалость! Лучше бы ты детей пожалела шесть лет назад. Ты же четыре жизни изуродовала, а отца просто убила!

— Лучше бы я умерла тогда, — обреченно произнесла Галина.

Ира поднялась, вытерла слезы рукой, взяла свою сумку и подошла к двери.

— Это точно, — сказала она, не глядя на мать. — Лучше бы ты умерла.

* * *

Вернувшись домой в первом часу ночи, Ира Терехина тихонько зашла на кухню, чтобы что-нибудь съесть. После поездки к матери и до вечерней работы в ресторане она успела убрать в квартире, и теперь кухня сияла чистотой. Шамиль съехал, а новый жилец, Ильяс, появится только через два дня. Георгий Сергеевич, второй съемщик, беспорядка после себя не оставлял, и Ира могла быть уверена, что в ближайшие два дня дома будет царить чистота.

Георгий Сергеевич ей нравился, и она мечтала о том, чтобы все жильцы у нее были такие же, как он. Тихий интеллигентный мужчина лет пятидесяти, съехавший от жены после развода в ожидании решения квартирного вопроса, он относился к своей хозяйке по-доброму и даже старался помочь, чем мог, видя, как она беспрерывно мотается с одной работы на другую.

— Ирочка, я собираюсь нести вещи в химчистку. Что-нибудь ваше захватить? — спрашивал он.

— Ирочка, у меня завтра запланирован большой поход за продуктами. Вам что-нибудь нужно?

Если Ира приходила с работы, а он еще не спал, Георгий Сергеевич сочувственно говорил:

— Садитесь, Ирочка, я вам чайку налью, а вы отдохайте.

Но вообще-то бывало это нечасто. Георгий Сергеевич рано вставал и уходил на работу, а потому и вечера-